

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

«ПОТОМУ ЧТО ЖИЗНЬ НЕЛЬЗЯ УБИТЬ...»

Со стихами Елены Александровны Благиной (1903–1989) у людей разных возрастов и уже нескольких поколений наверняка связаны самые ранние и самые светлые, теплые воспоминания: о детстве, родительском доме, семье, и прежде всего — о маме. Облик поэтессы с добрым миловидным лицом, участливым взглядом на многих ее фотографиях излучает прямо-таки материнскую заботу и нежность, добросердечие, отзывчивость, чуткость.

Вот какая мама —
Золотая прямо!

Эти знаменитые стихотворные строчки Благиной — словно и о ней самой, и о каждой любящей и любимой маме.

А еще Елена Александровна своей наружностью напоминает учительницу прежних времен — терпеливую, внимательную, любящую детей не «по долгу службы», а самозабвенно, по-настоящему. Ту, что называют «учитель от Бога». Таких педагогов сейчас почти уже не встретишь.

Не случайно Благина — внучка православного сельского священника с необычайно светлой и ласковой фамилией Солнышкин — с ранней юности мечтала стать учителем, воспитателем детских душ, вселять в них *«разумное, доброе, вечное»*. Ей желалось, чтобы каждый ребенок, по евангельскому слову, *«преуспевал в премудрости, и в возрасте, и в любви у Бога и человеков»* (Лк. 2:52).

В 1921 году девушка начала учиться в Курском педагогическом институте. Жизнь в те годы у большинства советских людей была бедная, трудная. «Одежда плохая, но хожу, — писала Елена об институтских занятиях. — Быта не замечаю — полна стихами». Курский союз поэтов принял Благинину в свою организацию. Молодая поэтесса вспоминала то время с восторгом: «Мир засиял такими красками, таким торжеством... Блок, Брюсов, Белый, Пастернак, Асеев, Ахматова, Цветаева, Есенин, Маяковский — поэты, которые до вступления моего в кружок были мне совершенно неизвестны. Много читала. Писала стихи».

Любовь к поэтическому творчеству возобладала, взяла верх над стезей педагогической. В 1922 году Благина уехала в Москву и поступила в Высший литературно-художественный институт. И снова — нужда, бытовая неустроенность, бедность: «В Москве я оказалась без дома, без денег, без работы». И вновь — поэтический эн-

Алла Анатольевна Новикова-Строганова — доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России (Москва), историк литературы.

тузиазм: «Тогда впервые увидала и услышала Маяковского, Асеева, Пастернака, Сельвинского, Антокольского и др.».

В Елене Александровне открылось ее подлинное призвание истинного детского поэта. Благодатью веет от стихотворений Благиной, посвященных и адресованных детям. Задушевные милые строчки словно бы подтверждают фамилию их создательницы, корень которой — благо. У каждого глубоко в душе берегутся благининские стихи как знак далекого детства. Когда вдруг всплывут они из тайников памяти, человек даже преклонного возраста способен ощутить благодать, непосредственность этих поэтических строк и на миг превратиться в того ребенка, каким он был когда-то давным-давно. Но может быть, забыл об этом, казалось бы, навсегда.

Деревья те, что мы любили,
Теперь срубили...
Цветы, которые мы рвали,
Давно увяли...
То пламя, что для нас горело,
Других согрело...
Сердца, что рядом с нами бились,
Остановились.
И только песня остается
И все поется,
Все поется...

О благодатной силе воспоминаний детства глубоко размышлял Ф. М. Достоевский (1821–1881), который в собственной семье был прекрасным отцом, талантливым педагогом и воспитателем, внимательным ко всем проявлениям детской природы. Он делал все, «что можно бы сделать трудом и любовью, неустанной работой над детьми и с детьми, все, чего можно было бы достигнуть рассудком, разъяснением, внушением, терпением, воспитанием и примером». Писатель знал, как много значат воспоминания, вынесенные из детства, из родительского дома, поэтому так заботился о накоплении светлых благих впечатлений в своих детях. «Сердечная, всегда наглядная для них забота ваша о них, любовь ваша к ним согрели бы, как теплым лучом, все посеянное в их душах, и плод вышел бы, конечно, обильный и добрый», — обращался в «Дневнике писателя» ко всем родителям Достоевский. Он воспринимал пору детства как спасительную духовную ценность, способную повлиять на последующее развитие человека и даже определить его судьбу: «Без святого и драгоценного, унесенного в жизнь из воспоминаний детства, не может и жить человек».

О том же говорит и любимый герой Достоевского в его последнем романе «*Братья Карамазовы*» (1881) Алеша Карамазов, обращаясь к мальчикам-гимназистам: «Знайте же, что ничего нет выше, и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное еще из детства, из родительского дома. Вам много говорят про воспитание ваше, а вот какое-нибудь этакое прекрасное, святое воспоминание, сохраненное с детства, может быть, самое лучшее воспитание и есть. Если много набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасен человек на всю жизнь. И даже если и одно только хорошее воспоминание при нас останется в нашем сердце, то и то может послужить когда-нибудь нам во спасение».

Стихи Благиной о детях и для детей дарят именно такие воспоминания.

«*Будьте как дети*» — этот призыв Христа продолжает оставаться вечно новым и актуальным, как и Новый Завет в целом. В Святом Евангелии детская душевная чистота

та и естественность возносятся на неизмеримо высокий духовный уровень по сравнению с мудрствованиями взрослых, погруженных в губительное коловращение житейской «суеты сует». На вопрос Своих учеников: «Кто больше в Царстве Небесном?» (Мф. 18: 1) — Христос дает ответ, казалось бы, парадоксальный: «...истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное; итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном; и кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает» (Мф. 18: 3–5). В системе христианских духовных ценностей и евангельских антиномий последние становятся первыми, меньшие — большими.

Подобным было и мирочувствование Благиной. Ей не по душе надменные расчетливые умники-рационалисты, утратившие свет духовный, не замечающие истинной красоты нерукотворного Божьего мира:

Мне жаль суровых и надменных.
Пусть мир их сложен, пусть богат,
Они чудес обыкновенных
Не видят, видеть не хотят.
Им хлеб — не власть,
Вода — не в милость,
Им ночь — не в отдых,
День — не в свет.
В них как бы радуга затмилась,
Весь пыл ее сошел на нет.

Сама поэтесса — в кругу тех, кто не утратил душевной ясности, по-детски чистого восприятия жизни, сохранил Божьи заветы добра, красоты и правды и готов щедро делиться ими, одаривая людей «цветами радости»:

А мы, не мудрствуя лукаво,
Стоим на страже простоты,
Даря налево и направо
Житейской радости цветы.

(«О тех, кого мне жаль»)

В благининском нелукавом творчестве дети обрели свой голос. Маленьким героям доверила поэтесса право самим рассказывать о себе и о том, что они видят, чувствуют, о чем думают, как постигают мир. Впервые русская лирика зазвучала такими чистыми, звонкими, неподдельными детскими голосами. Интуитивно чуткое проникновение в возрастную психологию, дар понимания души ребенка, талант любви, которым от Бога изобильно была наделена Благинина, сделали возможным то, что в ее стихах своим собственным языком заговорили и дошколята-мальши, и первоклашки, и ребятня постарше.

«Посидим в тишине» — пожалуй, самое известное из детских стихотворений Благиной, любимое многими поколениями детей и мам. Девчушка — хозяйка приутихших игрушек — вместе с ними замирает, оберегая мамин сон, сдерживает свою энергию, желание поиграть, попеть.

Всего лишь единственная строка в начале стихотворения, снабженная выразительным многоточием: «Мама спит, она устала...» — говорит о многом, имеет в том

числе социально-политическое содержание. В Стране Советов женщина должна была быть, что называется, «многостаночницей»: работницей или колхозницей, ударницей труда на производстве, общественницей вне работы, нередко участницей кружков художественной самодеятельности, хранительницей семьи как «ячейки общества», примерной женой, заботливой матерью. И, конечно, вечной труженицей в домашнем быту: кухаркой и посудомойкой, швеей и вязальщицей, гладильщицей и прачкой, горничной и огородницей на подсобном земельном участке — всего не перечислить. Такое положение дел никого не смущало. В те годы утверждалось: «Советская женщина должна все успевать!» Неудивительно, что в благининских стихах такую женщину-мать, утомившуюся от бесконечной круговерти забот и хлопот, сморил сон посреди бела дня — наверное, в единственный ее выходной.

Заботливая дочка не позволила шаловливому солнечному лучу потревожить маму, и говорящий лучик присмирел, согласился, тоже проявил жалость и снисхождение:

Луч метнулся по стене,
А потом скользнул ко мне.
— Ничего, — шепнул он будто, —
Посидим и в тишине!

В «Стихах о елке, о сером волке, о стрекозе и о бедной козе» маленькая героиня трогательно заботится о елочных игрушках, чтобы им было удобнее, безопаснее; заводит с ними беседу:

Люблю я у елки одна посидеть.
Люблю я как следует все разглядеть:
Какие игрушки, не скучно ли им,
Иль кто недоволен соседством своим.
Вот рядом с Морозом висит стрекоза.
А с волком зубастым, смотрите — коза.
Я думаю, холодно тут стрекозе
И очень уж страшно бедняге-козе.
Я рядом с Морозом повешу звезду,
А козочку эту сюда отведу.
Тут, кстати, цветочек расцвел золотой
И солнышко светит... —
Ну, козочка, стой!

Видя и слыша эту участливую выдумщицу под новогодней елкой, поневоле вспомнишь и свои елочные игрушки — фамильные, сохранившиеся еще от бабушек и от родителей. У кого из нас не дрогнет сердце при виде старинной елочной игрушки! И тогда невозможно не согласиться со знатоком детских душ, великим писателем-христианином, классиком мировой рождественской литературы Чарлзом Диккенсом (1812–1870): «Ведь так отрадно порой снова стать хоть на время детьми! А особенно хорошо это на Святках, когда мы празднуем рождение Божественного Младенца».

Благининское творчество пробуждает глубоко личные, дорогие воспоминания. Моя мама Нина Михайловна Новикова ровно на двадцать пять лет была моложе Благининой, а ушла из жизни в тот же год, что и знаменитая поэтесса.

Детство мама провела в тех же краях, где родилась Елена Александровна и где прошли ее ранние годы, — в Свердловском районе Орловской области.

Позже мама и меня возила по этим местам. Иногда я проводила здесь летние каникулы. Деревни Гостиново, Давыдово, Яковлево, Хотетово, Еропкино, Плоты, село Никольское с церковью Святого Николая Чудотворца («Никола», как называли деревенские, был престольным праздником во всей округе) — все они расположились так близко друг к другу, что легко можно было обходить их пешком.

Над рожью, дождиком примятой,
Стоит денек почти сквозной.
Орловский ветер пахнет мятой,
Польнью, медом, тишиной.
Иду стеной высокой хлеба,
Иду, иду да постою,
Любуясь, как упало небо
В наполненную колею.

(«Колея»)

Иногда мне выпадал случай прокатиться по окрестным деревушкам на лошадке, запряженной в тележку. Местность здесь равнинная, лесов мало — только перелески и березовые рощицы. Зато вокруг раскинулись пруды и озера со множеством водоплавающих птиц, душистое разнотравье пестрых лугов, золотистые поля с ромашками и васильками посреди густых колосьев ржи. Ребенком так славно было приезжать сюда летом из душного, пыльного Орла.

Солнце желтым косяком
Улеглось на лавке.
Я сегодня босиком
Бегала по травке.

(«Уморилась»)

Благинина на протяжении своей жизни нередко навещала родные места, вдохновлялась ими: «Это было давно, в пору моей юности. Ехала поездом без билета, а меня высадили, как раз в нужном месте. Я пошла через рожь, а навстречу дедушка, Михаил Иванович Солнышкин. Увидев меня, обрадовался. „Ну, вот, внученька, и встретились. Из поезда прямо в мои объятия!“ Вспомнила я потом ту встречу, тропинку через рожь и написала стихотворение».

«Орел моего детства, юности утопал в садах, в колокольном звоне. В привокзальном районе было пыльно, тесно и темно, но таких людей, как те, что этот район населяли, забыть нельзя. Стихи я начала писать с восьмилетнего возраста и первое стихотворение написала в Яковлевском парке», — вспоминала поэтесса.

Она родилась в деревне Яковлево, а моя мама рядышком, примерно в пяти километрах — в Гостиново — жила с сестрами у своей бабушки во время оккупации Орла фашистами в страшные годы Второй мировой, ходила в яковлевскую школу. Сейчас эта школа носит имя русской поэтессы-землячки Елены Благининой.

Мой дедушка — мамин отец — воевал на фронте. Четыре дочери остались полусиротами, когда в возрасте чуть за тридцать умерла их мама. Вот и взяла их на попечение старая бабушка. Это была такая же самоотверженная «бабушка-забота», словно вышедшая из одноименного стихотворения Благининой.

Помню, мама часто рассказывала о том времени. Немцы заняли орловские деревушки, выгоняли жителей из домов. Прогнали из гостиновской избы в сарай бабушку с внучками, отбирали у них последние немудреные продукты: картошку, домашний хлеб. Голодные девочки иногда подглядывали в дверную щелку, как в их горнице захватчики пировали немецкой тушенкой, шнапсом, хохотали нагло, во все горло. Однажды маме удалось подобрать конфету, выпавшую из кармана фашиста. Он заметил, скорчил страшную рожу, стараясь больше испугать, погнался с автоматом за ребенком. Мама убежала, долго пряталась.

Во время бомбежек девочки с бабушкой укрывались в огороде, где сами вырыли небольшой окопчик. Но разве мог он спасти от прямого попадания? Вот они все сидели под бомбами и снарядами и только молились, хором читали «Отче наш...» — молитву, которой выучила их бабушка. Больше спастись было нечем.

Елена Александровна Благинина, будучи уже известной столичной поэтессой, жила в те годы далеко от Орла, но очень тяжело переживала о судьбе оккупированного города, о родном своем Яковлеве.

Во время войны Благинина написала множество детских стихов от лица своих маленьких героев. Они рано повзрослели, узнали горе, испытали страдания и ужасы военного времени:

Но пришел конец забавам,
Нету больше тишины.
По моим высоким травам,
По моим густым дубравам
Прокатился гром войны.
На войне четыре брата,
И отец, и вся родня.
Опустела наша хата.
Мать, веселая когда-то,
Все скучней день ото дня.

(«Гармошка»)

Детям постарше пришлось взвалить на себя все домашние труды, заботы о младших, пока взрослые воевали на фронте и трудились в тылу:

Наш отец давно в походе —
Третий год как на войне.
Наша мама на заводе,
А кому с братишкой?
Мне!

(«Вставай»)

Они испытывают постоянную психологическую угнетенность, тревогу, страх за своих близких — отцов, старших братьев:

Если письмо запоздает отцово,
Сразу покажутся грустными дни.
Бабушка с мамой, конечно, — ни слова,
Только я вижу — боятся они.

(«Чижик»)

Даже беззаботные прежде игры видоизменяются, подчиняясь военной тематике, становятся какими-то не по-детски суровыми. Девочки играют уже не в дочки-матери, а во фронтовых медсестер и санитарок полевых госпиталей:

Я делаю игрушки
До самой темноты:
Из деревяшек — пушки,
Из лоскутков — бинты.
Я будто санитарка,
А печка — лазарет.
Бойцам на печке жарко,
Да лучше места нет.

(«На печке»)

Мальчуганы грезят о боевых подвигах на полях сражений:

Повстречаться бы с танкистами
И сказать им так: «Друзья!
Вы воюете с фашистами,
Воевать хочу и я!»

(«Хорошо бы...»)

Ребята терпеливо ждут отцов с фронта, пишут им ободряющие письма, шлют поздравления с праздниками, стараясь храбриться, ничем не выдавать своей недетской душевной боли, неотступной боязни за жизнь родных людей:

Папа! Ты вернешься невредимый!
Ведь война когда-нибудь пройдет?
Миленький, голубчик мой родимый,
Знаешь, вправду скоро Новый год!
Я тебя, конечно, поздравляю
И желаю вовсе не болеть.
Я тебе желаю-прежелаю
Поскорей фашистов одолеть!
<...>
Поклонись бойцам и командирам,
Передай им от меня привет.
Пожелай им всякую удачу,
Пусть идут на немцев, как один...
...Я пишу тебе и чуть не плачу,
Это так... от радости...
Твой сын.

(«Папе на фронт»)

Настоящему герою-мальчишке, своему земляку, Благинина посвятила целую поэму — «маленькую повесть в стихах» «Гармошка» с подзаголовком: «Посвящаю юному партизану Мише Курбанову — воспитаннику Некрасовского детского дома в Орле».

...И ушли мы к партизанам
Из родимого села.
Лес густой — вот наша хата,
Командир — вот наш отец.
Я стрелять из автомата
Научился, как боец.
Иногда ходил в разведку
И в дозоре службу нес.
Только это было редко —
Говорили: «Не дорос!»
<...> Сколько вражьих эшелонов
Загремело под откос!
<...> Сколько сделано налетов —
Не один взорвался склад!
Сколько взято пулеметов,
Автоматов, мин, гранат!

Для детей времен Великой Отечественной войны не надо было проводить ни специальных «уроков мужества», ни «разговоров о важном». Тогда все точно знали, за что именно воюют советские солдаты — за освобождение родной земли, каждой ее любимой приметы, за дорогих и близких людей:

За Родину свою,
За наш колхоз, за речку,
За вербу у плетня,
За дом, за эту печку,
За маму, за меня.
(«На печке»)

За то, чтобы война никогда больше не повторилась:

Чтоб над всем таким большущим миром
Днем и ночью был веселый свет...
(«Папе на фронт»)

Маленькие герои не покладая рук трудились наравне со взрослыми, помогали восстанавливать то, что разрушили фашистские захватчики:

Мы строгаги и пилили,
Нас учили мастера.
Вместе с ними ели-пили,
Отдыхали у костра.
После — снова за дела...
Наша стройка быстро шла!
(«Золотой мост»)

Когда Орел был освобожден от оккупантов в августе 1943 года (в нынешнем году — 80 лет со дня освобождения «города первого салюта»), Благинина, как и все совет-

ские люди, с восторгом восприняла первый с начала Великой Отечественной войны салют в Москве в честь победы в танковом сражении на Орловско-Курской дуге. Вместе с Союзом писателей поэтесса организовала выездную бригаду литераторов в Орел, избавленный от немецко-фашистской нечисти. «Была на родине — в Орле, — записала Елена Александровна. — Много удивительных и разнообразных ощущений испытала я, бродя по родным улицам разоренного фашистами города. Ощущения эти я попыталась обобщить в книжке „Золотой мост“».

В это же время она написала «Орел 43-го», «Лестница, которая никуда не ведет», «Окно», «Сына проводила на войну», «Триптих (Плач по убиенным)» и другие трагические стихи.

В стихотворении «Была и буду» отразилась удивительная жизнестойкость, своего рода «*лирическая дерзость*» мужественной женщины-поэта, пережившей испытания военного лихолетья:

Ты, война, меня не повалишь.
Я из Ванек-встанек.
Ты мне хлеб сухой жевать велишь,
А я его как пряник.
Ты мне воду в ледяном ковше
С крутого овражку.
А вода всегда мне по душе.
Я ее, как бражку.
Потому что жизнь нельзя убить.
Ну никак, хоть тресни.
Как жила я, так и буду жить.
С хлебом,
С водой,
С песней!

«Мне дороги все стихи, где Вы — „россиянка, солдатка, вдова“ — „в хлебе, в воде, в песне“...» — написал Благиной К. И. Чуковский (1882–1969).

Без лукавых мудрствований, ясно и просто, как хлеб насущный, как вода, как пение птиц на заре, слагала свои стихи классик детской литературы Елена Благина:

Вместе с солнышком встаю,
Вместе с птицами пою:
— С добрым утром!
— С ясным днем!
Вот как славно мы поем!

В послевоенные годы поэтесса нередко приезжала в родной Орел на творческие встречи с читателями. Чаще всего они проходили в Орловской центральной детской библиотеке имени И. А. Крылова. Ребята активно переписывались со своей землячкой, слали ей рисунки. Удивительно, но листы незамысловатого художества до сих пор целы. Благина хранила эти подаренные ей бесхитростные знаки детской признательности. Впоследствии передала рисунки в музей.

Она дарила детской библиотеке свои книги, фотографии с автографами. «Будьте здоровы! Поклонитесь всем ребятам, которые писали мне, и всем, которые не писали, а читают хорошие книжки у вас в библиотеке», — так заканчивается одно из бла-

гининских писем, содержание которого дает представление о том, сколь тесным было общение поэтессы с ее земляками.

В 1970-е годы, в своем детстве, я тоже была активным читателем этой библиотеки. Мой дом располагался прямо напротив, через дорогу. Читала так быстро и так часто приходила за новыми книгами, что недоверчивые седые библиотекариши, прежде чем выдать следующую партию книжек, заставляли меня пересказывать содержание ранее прочитанного.

К великому сожалению, сейчас легендарное историческое здание детской библиотеки имени И. А. Крылова («крыловки», как мы ее называли) в центре города оккупировано предпринимателями-рестораторами. Библиотека была закрыта несколько лет назад, а в этом доме обосновалось «доходное место» — ресторан итальянской и грузинской кухни.

И это не единственная безобразная капиталистическая гримаса, уничтожающая духовное и культурное наследие ради «мамоны», «золотого тельца», вездесущей наживы, в городе, именующем себя — с подачи местных властей — «литературной столицей России». Продолжается опошление имен великих земляков — всемирно известных русских писателей, профанируются названия их произведений. «Очарованный странник» Н. С. Лескова (1831–1895) превратился на родине писателя в гостиницу и ресторан. «Дворянское гнездо» И. С. Тургенева (1818–1883) обернулось агентством недвижимости.

Совсем недавно на улицах Орла развесили баннеры, на которых призывы к сортировке бытовых отходов соседствуют с портретом Тургенева и выглядят так, будто написаны от имени классика мировой литературы: «Я ничьих мнений не разделяю; я разделяю мусор».

Эта горе-экореклама — верх пошлости, издевательства над классиками русской литературы — писателями-орловцами. «Как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома?» — риторически вопрошал Тургенев за год до смерти в стихотворении в прозе «Русский язык» (1882). Этот вопрос писатель мог бы задать и сегодня.

Благодарение Господу Богу, что Благиной не довелось увидеть такого глумления над духовно-нравственным культурным наследием; не пришлось испытать горечь и стыд за нынешний Орел, в котором, как писал Лесков, впервые «увидел свет Тургенев, пробуждавший в своих соотечественниках чувства человеколюбия и прославивший свою родину доброю славою во всем образованном мире».

Сама поэтесса заняла достойное место в славном ряду русских писателей-земляков. В лирике, наполненной искренностью, добротой, христианской и народной мудростью, в конце жизненного пути Благиной в полный голос зазвучали молитвенные мотивы («*Memento mori*», «Осанна», «Да не сокрушится дух мой...»):

Да не сокрушится дух мой прежде тела!
Господи! Тебе ведь все равно!
Сделай так, чтоб птицей отлетела,
А не завалилась, как бревно...

«Человеческой доли раба», прошедшая свой тернистый путь, удостоилась благодатного утешения свыше, неисповедимого милосердия Божия:

И слышался голос летучий,
Неминуемый, будто судьба:

— Не казни ты себя и не мучай,
Человеческой доли раба!
Припади к Моему изголовью,
Истомленные веки смежи,
Про солдатскую эту, про вдовью,
Материнскую скорбь расскажи.
Утолю Я тебя, упокою,
Все печали твои отпущу,
Срок придет — прахом легким накрою,
Вешний цвет над тобою взращу.
И забудешь ты гул окаянный,
Бранный грохот небес и земли...
Высоко — над сосновой осанной
Облака золотые текли.

(«Осанна»)

В гармонии завершающих аккордов лирической поэзии Елены Благиной — христианская устремленность к Богу, к вечности, к неизмеримым высотам духовным.